

Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов в Евразии

Татьяна И. Кузьмина

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, kuzmina.ti@rea.ru*

Мария А. Чавыкина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mariya-chavykina@mail.ru*

Даниил А. Потапов

*Российский государственный гуманитарный университет
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, potapov.dpeng@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли Китая в трансрегиональных экономических процессах в Евразии. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, тем, что экономика КНР сегодня обеспечивает более 30% глобального роста, с другой – обострением американо-китайского соперничества, ужесточением западных санкций и, как следствие, падением спроса на американском и европейском рынках, которые замедляют внешнюю торговлю Китая. Цель статьи – проанализировать торгово-инвестиционные отношения между КНР и ЕАЭС, ССАГПЗ, АСЕАН и ШОС. Статистическая база исследования опирается на данные ООН, МВФ, ЮНКТАД, Банка развития Китая. Для анализа влияния Китая в рамках институционального измерения предложена модель трансрегиональных экономических связей. Показано, что в настоящее время КНР сталкивается с тем, что Америка и Европа стремятся перестроить цепочки поставок, создавая альтернативные транспортные коридоры, которые могут ограничить возможности КНР по влиянию на трансрегиональные связи. В заключении обосновывается вывод, что китайские проекты под эгидой инициативы «Один пояс – один путь» сегодня успешно реализуются и способствуют формированию трансрегиональных экономических связей в Евразии, несмотря на определенные разногласия как на региональном, так и глобальном уровне.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, межрегионализм, Китай, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, ССАГПЗ

Для цитирования: Кузьмина Т.И., Чавыкина М.А., Потапов Д.А. Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов в Евразии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 171–190. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-171-190

China as the driver for transregional economic processes in Eurasia

Tatyana I. Kuzmina

*Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, kuzmina.ti@rea.ru*

Mariya A. Chavykina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mariya-chavykina@mail.ru*

Daniil A. Potapov

*Russian State University for the Humanities
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, potapov.dpeng@gmail.com*

Abstract. This article deals with the study of China's role in trans-regional economic processes in the Eurasian space. The topic has become relevant, on the one hand, due to the fact that the Chinese economy today provides more than 30 percent of global growth and on the other hand, the intensification of US–Chinese rivalry, tightening Western economic sanctions and, as a result, falling demand in the American and European markets – slow down China's foreign trade. The purpose of the article is to analyse trade and investment relations between China and EAEU, GCC, ASEAN and SCO. The statistical base of the study is based is premised on data from the United Nations, the IMF, UNCTAD, Development Bank of China. A model of trans-regional economic ties is proposed to analyse China's influence within the institutional dimension. The article shows that China is currently facing the fact that America and Europe are seeking to rebuild supply chains by creating alternative transport corridors that may limit China's ability to influence trans-regional ties. In conclusion, it is justified that Chinese projects under the aegis of the 'One Belt, One Road' Initiative are being successfully implemented today and contribute to the formation of trans-regional economic ties in Eurasia, despite certain disagreements both at the regional and global levels.

Keywords: regional economic integration, China, EAEU, ASEAN, SCO, GCC

For citation: Kuzmina, T.I., Chavykina, M.A. and Potapov, D.A. (2025), "China as the driver for transregional economic processes in Eurasia", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 171-190, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-171-190

Введение

Экономические процессы на пространстве Евразии, как и в других частях мира, испытали серьезное влияние кризиса, вызванного пандемией COVID–19, в частности, сбои в глобальных цепочках поставок, а в настоящее время набирающего оборот противостояние между коллективным Западом, с одной стороны, и Китаем и Россией, с другой. Экономический кризис и геополитическое противостояние обнажили и обострили процессы эрозии мировой экономики как на региональном, так и глобальном уровне. Среди ключевых характеристик данного процесса следует выделить: во-первых, истощение потенциала экономического роста, основанного на либеральной Бреттон-Вудской модели стимулирования потребления; во-вторых, разобщенность мирового сообщества и неэффективность межгосударственных институтов; в-третьих, усиление тенденций протекционизма в рамках международной торговли [Халова, Иллерицкий 2021], а также изменение формата международного взаимодействия. Мировой ВВП в 2020 г. снизился на 3,1%, при этом в развитых странах снижение составило 4,5%, в т. ч. для стран Еврозоны наблюдалось падение 6,3%. Несколько лучшая динамика наблюдалась в развивающихся странах, падение составило 2,1% за счет роста ВВП Китая¹. Изменения динамики развития мировой экономики можно проследить по показателям ВВП (табл. 1).

На основании данных табл. 1 можно сделать вывод, что после острой фазы пандемии COVID–19 в 2019–2020 гг. многие страны перешли в фазу восстановительного роста в 2021–2022 гг. Обратной стороной подобных действий стало увеличение темпов инфляции во всех странах мира. Если в допандемийный период (2017–2019 гг.) она составляла 3,5%, то в 2022 г. она уже достигла 8,8%. В связи с чем встал вопрос о необходимости пересмотра денежно-кредитной политики в сторону ужесточения, что потенциально может затормозить восстановление экономики. Прогнозировалось, что в 2024 г. темпы роста мировой экономики составят 2,4%, что отражает замедление по сравнению

¹ World Economic Outlook: Recovery During a Pandemic (October 2021) // International Monetary Fund. 2021. P. 9–10. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения 10 марта 2023).

Таблица 1

Динамика изменения ВВП в период с 2019 по 2023 г. (%)

Экономические группы и регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Мир	2,8	–3,1	6,2	3,4	2,9
Развитые страны	1,7	–4,5	5,4	2,7	1,2
Еврозона	1,5	–6,3	5,3	3,5	0,7
США	2,3	–3,4	5,9	2,0	1,4
Развивающиеся страны	3,7	–2,1	6,7	3,9	4,0
КНР	6,0	2,3	8,4	3,0	5,2
Россия	2,0	–3,0	4,7	–2,2	0,3
АСЕАН-5	4,9	–3,4	3,8	5,2	4,3

Источник: составлено по данным МВФ².

с 2,7% в 2023 г.³ Возможным треком для содействия стабильному экономическому росту при ужесточении денежно-кредитной политики является дальнейшее развитие региональных и межрегиональных экономических связей, а также региональной интеграции. В рамках Евразии подобный трек может получить выражение в виде углубления трансрегионального сотрудничества, а Китай может выступить в качестве основного актора и сыграть в этом процессе позитивную роль.

Обзор литературы и источников

В последнее время отмечается значительное количество трудов, посвященных исследованию роли КНР в рамках интеграционных процессов в Евразии. Важной работой можно назвать монографию «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы» [Ли, Воскресен-

² World Economic Outlook: Inflation Peaking amid Low Growth. (January 2023) // International Monetary Fund. 2023. P. 4-6. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/01/31/world-economic-outlook-update-january-2023> (дата обращения 10 января 2023).

³ Темпы роста мировой экономики в 2024 году замедлятся до 2,4 процента // ООН. 04.01.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302> (дата обращения 5 января 2024).

ский 2016] под редакцией Ли Сина и А.Д. Воскресенского, в рамках которой целый раздел посвящен анализу инициативы «Экономического пояса Шелкового пути». Ученые отмечают, что в процессе реализации транспортного коридора из Китая через Евразию в направлении Европы в рамках инициативы одной из целей является нивелирование разницы в уровне развития Северо-Западных и Юго-Восточных прибрежных территорий Китая.

В монографии «Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма», посвященной внешней политике КНР и восточноазиатскому регионализму, отмечается, что инициатива «Один пояс – один путь» является результатом эволюционных изменений в рамках китайской внешней политики от ограниченного участия в интеграционных процессах до высокой степени вовлеченности в них и выдвижением собственных интеграционных инициатив [Севастьянов и др. 2014].

В контексте роли Китая в рамках интеграционных процессов в АТР и Евразии, Воскресенский А.Д. в одной из своих работ [Воскресенский 2018] отмечает, что, несмотря на возросшую роль Китая для экономик АТР и Евразии, говорить о полном доминировании КНР в экономических процессах невозможно. При этом КНР активно создает различные межрегиональные форматы и инициативы, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь», для расширения своего экономического влияния. По его мнению, скорее можно сделать вывод о набирающей обороты конкуренции Китая и США в геополитической и геоэкономической сферах в рамках АТР и Евразии.

Таким образом, учитывая рассмотренные позиции отечественных и зарубежных ученых, важно подчеркнуть, что дальнейший анализ влияния КНР на трансрегиональные экономические связи будет исходить из позиции, что процесс геоэкономической экспансии Китая и наращивания экономических связей, который подчинен внутренним целям развития Китая, также стимулирует межрегиональные связи. Благодаря этому страны могут обеспечить себе возможность диверсификации экономических связей для балансирования влияния Китая.

КНР в трансрегиональных экономических связях в Евразии

Роль Китая в развитии трансрегиональных процессов [Кузнецов 2017] в Евразии целесообразно проанализировать посредством экономического и институционального измерений. Рассмотрим трансрегиональные экономические связи в Евразии как единый комплекс между всеми субъектами – региональными интеграционными объединениями и странами из регионов Ближнего Востока, Центральной, Южной, Юго-Восточной, Северо-Восточной Азии и региона СНГ. В институциональном измерении можно представить трансрегиональный комплекс в Евразии следующей моделью (рис. 1).

Предлагаемая модель не учитывает интенсивность связей. В рамках такой модели евразийского трансрегионального пространства КНР имеет плотные межгосударственные экономические связи со странами разных регионов, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Лю, Авдокушин 2019], а также связи с региональными интеграционными объединениями и региональными организациями (в случае ШОС КНР является членом организации). Далее на примерах взаимодействия КНР с АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ рассмотрим основные особенности данного комплекса экономических взаимосвязей.

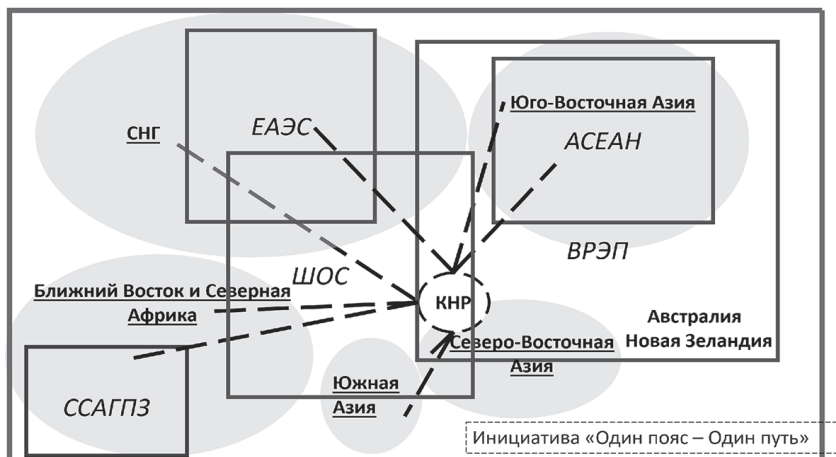

Рис. 1. Модель трансрегиональных связей на Евразийском пространстве

Примечания: Южная Азия – регион; ЕАЭС – региональные интеграционные объединения/международные организации/торговые соглашения. Источник: составлено авторами

Взаимодействие между КНР и АСЕАН идет как на двустороннем уровне – между КНР и отдельными странами объединения, так и в многостороннем формате – по линии КНР – АСЕАН, АСЕАН+1, АСЕАН+3 и др. В странах АСЕАН активно реализуются проекты инициативы «Один пояс – один путь» преимущественно в двустороннем формате, что обусловлено особенностями институционального устройства АСЕАН – крайне ограниченной наднациональной составляющей. В связи с этим большинство решений и планов по развитию инфраструктуры носят рекомендательный характер. Но, несмотря на это, в 2019 г. было подписано заявление о синергии плана о развитии транспортной инфраструктуры АСЕАН 2025 (*Master Plan on ASEAN Connectivity 2025*) с проектными инициативами «Один пояс – один путь».

Межрегиональные экономические связи между ЕАЭС и КНР динамично развиваются и получают институциональную основу. Свидетельством этого является реализация соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС, подписанного в 2018 г. В структуре соглашения предусматривается развитие взаимодействия таможенных служб, сотрудничество для повышения транспарентности технических торговых барьеров, санитарных и фитосанитарных норм, стимулирование электронной коммерции. Помимо этого, КНР и ЕАЭС планируют углубить финансовое сотрудничество и взаимодействие между биржами⁴, что будет способствовать развитию сотрудничества в финансовой сфере.

Взаимодействие между КНР и ССАГПЗ в экономической сфере обладает достаточно высоким уровнем институализации, несмотря на отсутствие соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ). Важную роль в продвижении экономического взаимодействия играют Форум сотрудничества между КНР и Арабскими государствами, стратегический диалог между ССАГПЗ и Китаем, а также рамочное соглашение между КНР и ССАГПЗ, которое включает в себя сотрудничество в сфере экономики, торговли, инвестиций и технологий [Narutyunyan 2021]. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» были созданы совместные инвестиционные фонды КНР-ОАЭ, КНР-Катар, КНР-Саудовская Аравия, объем каждого из которых составляет до 20 млрд долл.

⁴ ЕАЭС и Китай выразили взаимный интерес к развитию сотрудничества между биржами // ЕАЭС. 17.02.2023. URL: <https://eaeunion.org/news/eaes-i-kitay-vyrazili-vzaimnyy-interes-k-razvitiyu-sotrudnichestva-mezhdu-birzhami/> (дата обращения 7 апреля 2023).

США. Помимо этого, в рамках проекта “*Industrial Park – Connecting ports, Two-Wheel and Two-Wing Approach*” запланировано создание китайских промышленных парков в Египте, Саудовской Аравии, ОАЭ и Омане в районе ключевых морских портов [Нагу-туануан 2021]. Вышеуказанные примеры иллюстрируют, что Китай развивает не только торговые, но и производственные связи со странами ССАГПЗ.

Несмотря на высокую интенсивность взаимодействия между Китаем и регионами Евразии, ключевым фактором, на основании которого можно рассматривать модель трансрегиональных экономических связей, является активное развитие торгового и экономического сотрудничества между региональными интеграционными объединениями. Например, в 2018 г. ЕАЭС и АСЕАН заключили меморандум о взаимопонимании в области экономического сотрудничества и была принята соответствующая программа до 2025 г. для реализации заявленных целей. ЕАЭС заключил соглашения о ЗСТ с Вьетнамом, Сингапуром, Ираном, проводит переговоры с Индонезией и ОАЭ [Березина 2021]. ССАГПЗ имеет тесные связи с АСЕАН на основании общего видения АСЕАН-ССАГПЗ от 2009 г., а также меморандума о взаимопонимании между секретариатами организаций. Несмотря на отсутствие непосредственного соглашения о ЗСТ между АСЕАН и ССАГПЗ, вступившее в силу в 2013 г. соглашение между ССАГПЗ и Сингапуром создает возможности для углубления экономических связей на межрегиональном уровне⁵. В целом за период с 2016 по 2020 гг. суммарный товарооборот составил более 270 млрд долл. США, а объем инвестиционных операций из стран Персидского залива в АСЕАН более 13,4 млрд долл. США, из стран АСЕАН в ССАГПЗ более 3,5 млрд долл. США⁶. Ключевыми инвесторами являются ОАЭ и Сингапур соответственно. Также в контексте межрегиональных связей ССАГПЗ стоит упомянуть попытки подписания соглашений по созданию ЗСТ со странами Азиатско-тихоокеанского региона – Китаем, Новой Зеландией, Австралией, Южной Кореей.

⁵ The GCC-Singapore Free Trade Agreement: Opportunities for Gulf Businesses in ASEAN. ASEAN Briefing. 02.09.2022. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/the-gcc-singapore-free-trade-agreement/> (дата обращения 7 марта 2023).

⁶ Uncharted Territory: Deepening trade and investment between ASEAN and the GCC // The Economist Group. 2021. URL: https://impact.economist.com/perspectives/sites/default/files/ei-dcci_asean_report_21st_november_2021_web.pdf (дата обращения 7 марта 2023).

*Влияние Китая на трансрегиональные
экономические связи в Евразии:
институциональное измерение*

Влияние КНР на трансрегиональные экономические процессы в институциональном измерении осуществляется через три основные направления: инициатива «Один пояс – один путь» [Потапов 2022], расширение ШОС и развитие ее экономической повестки, активное развитие двухсторонних экономических отношений со странами Евразии. В первую очередь это касается двухсторонних отношений, где наиболее показательным будет анализ существующих соглашений о ЗСТ и переговоров по ним на основе уже имеющихся соглашений между КНР и партнерами (табл. 2).

Таблица 2

Соглашения о ЗСТ между Китаем и его торговыми партнерами

Действующие		В процессе переговоров	
Партнер	Дата вступления в силу	Партнер	Дата последних переговоров
Камбоджа	01.01.2022	ССАГПЗ	19–21.12.2016
Южная Корея	20.12.2015	Япония и Южная Корея	23.12.2019
Сингапур	23.10.2008	Израиль	18–21.11.2019
Пакистан	10.10.2009	Норвегия	11.03.2021
Австралия	20.12.2015	Молдавия	29.12.2017
Грузия	01.01.2018	Шри-Ланка	16–19.01.2017
Мальдивы	07.12.2017		

Источник: составлено на основе данных Министерства коммерции КНР⁷.

Как видно из табл. 3, КНР имеет небольшое количество двусторонних договоров о создании ЗСТ. Однако Китай активно углубляет торговые связи через присоединение к региональным договорам (например, ВРЭП). Также в последние

⁷ China FTA Network // Ministry of Commerce PRC. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/enpakistanphase.shtml> (дата обращения 8 марта 2023).

годы альтернативным механизмом, способствующим углублению торгового и экономического сотрудничества КНР, является меморандум по сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Среди условий меморандумов могут содержаться не только инвестиции в инфраструктурные проекты, но и создание особых экономических и промышленных зон с льготными налоговыми и таможенными условиями для размещения китайских предприятий. На начало 2023 г. соглашения о сотрудничестве подписаны с 151 государством и 32 международными организациями.

В качестве следующего трека следует отметить деятельность ШОС, где КНР является одним из основателей и одним из самых влиятельных ее членов. В последнее десятилетие в ШОС был взят курс на включение новых стран и выход сотрудничества за рамки исключительно Центральной Азии. С момента основания организации к Китаю, России и странам Центральной Азии присоединились Индия, Пакистан и Иран. Помимо этого, в качестве наблюдателей присутствуют Афганистан, Белоруссия и Монголия. Кроме расширения состава ШОС, другим важным вектором развития организации является экономическое сотрудничество. Для адаптации к современным процессам и тенденциям, происходящим в системе международных отношений и мировой экономике ШОС, изначально ориентированная на решение проблем безопасности, в 2019 г. приняла Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов организации до 2035 г. Среди наиболее важных решений, которые должны содействовать экономическому сотрудничеству были заявлены: выявление барьеров и ограничений в торговле и последовательное упрощение процедур взаимной торговли и осуществления инвестиций; расширение сотрудничества в сфере электронной торговли; обеспечение возможности проведения расчетов в рамках прямых межбанковских отношений и расширение практики использования национальных валют во взаиморасчетах между государствами-членами ШОС; развитие механизмов для финансового сотрудничества в рамках ШОС, включая изучение возможности создания Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС; сотрудничество в целях сбалансированного развития эффективной транспортной инфраструктуры для обеспечения устойчивого экономического роста и др.

*Влияние Китая на трансрегиональные
экономические связи в Евразии: экономическое,
торговое и финансовое измерение*

Для более глубокого понимания степени влияния КНР на трансрегиональные экономические процессы в Евразии в табл. 3 проведены сводные данные по объему товарооборота отдельных стран и интеграционных объединений.

Таблица 3

Товарооборот некоторых стран, региональных интеграционных объединений и место Китая среди торговых партнеров

РИО/страны	Товарооборот в 2022 г., млрд долл. США*		Доля КНР в общем товарообороте, %		Место КНР в товарообороте
	с Китаем	Общий	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АСЕАН	1066,09	3830,42	27,83	18,77	1
Бруней	3,12	23,41	13,32	15,69	1
Вьетнам	222,76	729,60	30,53	24,87	1
Индонезия	140,14	529,45	26,47	25,71	1
Камбоджа	13,54	50,37	26,87	24,62	1
Лаос	4,43	14,26	31,06	26,29	1
Малайзия	172,53	646,71	26,68	18,91	1
Мьянма	9,56	34,49	27,71	27,09	1
Сингапур	299,42	991,18	30,21	14,16	1
Таиланд	136,00	586,14	23,20	19,20	1
Филиппины	64,60	224,81	28,73	20,23	1
ССАГПЗ	380,42	2083,82	18,26	16,10	1
Бахрейн	2,42	45,32	5,34	5,66	4
Катар	29,70	163,01	18,22	13,01	1
КСА	128,02	613,90	20,85	19,00	1
Кувейт	21,79	138,77	15,70	22,83	1
ОАЭ	171,62	1023,03	16,78	12,25	1
Оман	26,87	99,78	26,93	26,79	1
ШОС	430,27	2371,28	18,14	34,91	1

Окончание табл. 3

РИО/страны	Товaroоборот в 2022 г., млрд долл. США*		Доля КНР в общем товарообороте, %		Место КНР в товарообороте
	с Китаем	Общий	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Иран	38,72	123,64	31,32	33,28	1
Казахстан	24,35	134,44	18,12	24,23	1
Киргизия	4,20	11,82	35,56	53,20	1
Пакистан	20,40	102,92	19,83	24,06	1
Таджикистан	1,83	7,32	24,96	24,71	1
Узбекистан	9,57	43,55	21,97	19,36	1
ЕАЭС	195,60	986,03	19,84	25,85	1
Армения	2,14	13,94	15,34	13,19	2
Беларусь	6,57	63,49	10,35	6,27	3
Россия	158,34	762,35	20,77	28,64	1

* *Примечание:* данные из источника рассматривают КНР, Гонконг, Макао и Тайвань как отдельные экономические субъекты, в рамках исследования они рассматриваются как одно целое. Полуужирным шрифтом выделены страны, для которых доля Китая в структуре товарооборота в 2022 г. выросла по отношению к 2021 г.

Источник: составлено на основе данных *Observatory of Economic Complexity*⁸, *ASEANStatsData*⁹ и *UNCTAD*¹⁰.

Для большинства стран Китай занимает место крупнейшего торгового партнера (табл. 5). Помимо этого, для большинства стран доля КНР в структуре внешней торговли выросла в 2022 г. по сравнению с 2021 г. и в среднем составила более 20% в рамках выборки. Однако оценивать степень взаимосвязанности между КНР и странами Евразии, основываясь исключительно на взаимном торговом обороте недостаточно. Для более полной картины, необходимо оценить объемы накопленных прямых иностранных инвестиций КНР в страны АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ (табл. 4).

⁸ Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en> (дата обращения 1 марта 2023).

⁹ Trade in Goods, Annually. ASEANStatsDataPortal. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения 1 марта 2023).

¹⁰ Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual. UNCTAD STAT. 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения 1 сентября 2023).

Таблица 4

Объем накопленных ПИИ КНР в АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ,
в млн долл. США

РИО/Страны	2019 г.	2020 г.	2021 г.
АСЕАН	109 891,2	127 602,9	140281
Бруней	426,96	388,12	96,28
Вьетнам	7073,71	8574,56	10852,11
Индонезия	15132,55	17928,83	20080,48
Камбоджа	6463,70	7038,52	6965,59
Лаос	8249,59	10201,42	9939,74
Малайзия	7923,69	10211,84	10355,15
Мьянма	4134,45	3809,04	3988,21
Сингапур	52636,56	59857,85	67202,28
Таиланд	7185,85	8825,55	9917,21
Филиппины	664,09	767,13	883,90
ССАГПЗ	11643,91	13989,81	15432,14
Бахрейн	70,74	70,94	134,69
Катар	458,92	618,51	789,46
КСА	2527,73	2930,91	3524,19
Кувейт	834,51	849,23	853,56
ОАЭ	7635,67	9283,24	9844,94
Оман	116,34	236,98	285,30
ШОС	38264,11	37469,73	38521,64
Индия	3610,09	3183,31	3518,89
Иран	3055,62	3527,24	3419,97
Казахстан	7254,13	5869,37	7487,43
Киргизия	1550,03	1767,33	1531,42
Пакистан	4797,98	6218,94	7485,38
Таджикистан	1946,08	1568,01	1627,22

Окончание табл. 4

РИО/Страны	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Узбекистан	3246,21	3264,64	2807,22
ЕАЭС	22272,82	20327,12	20336,03
Армения	12,89	12,25	27,02
Беларусь	651,80	607,28	646,05
Россия	12803,97	12070,89	10644,11

Источник: составлено на основе данных Министерства коммерции КНР¹¹.

Рассматривая представленные данные, можно сделать несколько выводов. Во-первых, основными направлениями инвестиционной активности КНР являются страны Юго-Восточной Азии, в первую очередь Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Таиланд и Лаос. В рамках других интеграционных объединений приоритетными направлениями являются Россия, ОАЭ, Саудовская Аравия, Казахстан, Пакистан. Во-вторых, можно выделить ряд стран, в которые Китай вложил значительно меньше инвестиций (менее 1 млрд долл. США) – Бруней, Филиппины, Оман, Бахрейн, Катар, Кувейт, Армения, Беларусь. С одной стороны, такую особенность можно связать с небольшим размером экономик данных стран (исключение здесь представляют Филиппины), с другой, с тем, что данные страны не имеют такого значительного числа производственных цепочек, связывающих их с Китаем.

На основании приведенных данных по инвестициям можно сделать вывод, что КНР играет роль одного из крупнейших инвесторов для стран Евразии, хотя для отдельных стран доля Китая в структуре накопленных инвестиций составляет менее 5%, (Армения – 0,08%, Россия – 0,41%, Беларусь – 3,9%, Казахстан – 4,1%, Бахрейн – 4,2%).

Можно констатировать, что КНР может оказывать стимулирующее влияние на трансрегиональные экономические связи

¹¹ 2021 年度中国对外直接投资统计公报 (2021 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment) // 中华人民共和国商务部 (Ministry of Commerce of the People's Republic of China). URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/202211/20221118091910924.pdf> (дата обращения 5 марта 2023).

на пространстве Евразии с помощью двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества. Развитие трансрегиональных связей в Евразии является важным для КНР со стратегической точки зрения на фоне ухудшения его взаимоотношений с ЕС и США, которые долгое время были ее крупнейшими экономическими партнерами. В экономической плоскости конфликт между Китаем и Западом выражается не только в снижении объемов торговли, но и изменении производственных цепочек добавленной стоимости в связи с тенденцией к релокации производств западных компаний из Китая, а также введением технологических санкций против Китая. С учетом этого, переориентация Китая на Евразию и формирование новых производственных и экономических цепочек в рамках трансрегиональных связей с помощью реализации инициативы «Один пояс – один путь» в ближайшее время может стать одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики Китая. Отчасти подтверждает данную гипотезу наметившийся за последние годы тренд на снижение доли США и ЕС в торговле с КНР и увеличением доли стран АСЕАН (табл. 5). На конец 2022 г. доля региональных интеграционных объединений Евразии (ССАГПЗ, АСЕАН, ШОС, ЕАЭС) во внешней торговле КНР практически сравнялась с долей США и ЕС (24,3% и 24,6% соответственно).

Таблица 5

Доля ключевых торговых партнеров в структуре торговли КНР, %

Торговый партнер	2018 г.	2021 г.	2022 г.
США	13,8	12,5	11,5
ЕС	14,8	13,7	13,1
АСЕАН	12,6	14,5	12,5
Россия	2,2	2,4	2,4
Южная Корея	6,8	6,0	5,5
Япония	7,1	6,1	5,3

Источник: составлено по данным UNCTAD¹² и Министерства коммерции КНР.

¹² Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual // UNCTAD STAT. 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения 1 сентября 2023).

Факторы, ограничивающие влияние КНР на трансрегиональные экономические процессы в Евразии

В процессе исследования роли Китая в трансрегиональных экономических процессах в Евразии нельзя не учитывать фактор внешних игроков и конкуренции с их проектами и инициативами. В первую очередь альтернативные Китаю проекты экономического сотрудничества выдвигают США и Япония. Например, проект Транстихоокеанского партнерства в его изначальной конфигурации (в январе 2017 г. США вышли из соглашения), и «Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific Strategy – FOIP*), выдвинутая Японией в 2016 г. и активно поддерживаемая Индией и США. *FOIP* географически пересекается с инициативой «Один пояс – один путь» в регионах Юго-Восточной, Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки, так как запланировано создание экономических коридоров «Восток–Запад», Южного коридора и Северного коридора в Восточной Африке. С помощью двусторонних и многосторонних форматов западные страны поддерживают реализацию данной инициативы. Проиллюстрировать это можно на примерах трехсторонней инфраструктурной инициативы Японии, США и Австралии, предложенной в 2018 г. (в рамках данной инициативы США предоставили около 60 млрд долл. США, а Австралия порядка 1,7 млрд долл. США для развития инфраструктуры) и «Партнерство ЕС-Япония для устойчивого объединения и высококачественной инфраструктуры» (*EU-Japan Partnership on Sustainable Connectivity and Quality Infrastructure*), в рамках которого ЕС готов предоставить 60 млрд евро для развития инфраструктуры в Азиатско-тихоокеанском регионе.

К основным социальным и экономическим проблемам, с которыми КНР сталкивается на текущем этапе, можно отнести следующие: замедление темпов роста экономики; перегрев рынка недвижимости; старение населения; низкий уровень рождаемости; проблема устойчивости к эпидемиологическим угрозам; обеспечение продовольственной и технологической безопасности; геополитическое противостояние с США; проблема перехода на «зеленые источники энергии» [Авдокушин 2022]. Среди вышеперечисленных проблем непосредственное влияние на роль Китая в трансрегиональных процессах Евразии оказывает противостояние с США. Остальные вызовы оказывают опосредованное влияние, так как, являясь структурными проблемами китайской экономики, требуют направления значительного

количества ресурсов для их решения, что снижает потенциал КНР в рамках трансрегионального экономического сотрудничества и торговли.

Затрагивая геополитическое противостояние КНР и США, необходимо подчеркнуть, что оно носит системный многогранный характер, так как включает экономическую, технологическую, военно-политическую и информационную сферы. Главным следствием противостояния в контексте трансрегиональных экономических процессов является выдвигание США альтернативных «Одному поясу – Одному пути» трансрегиональных инициатив (инициатива G-7 *“Build Back Better World”*) и поддержка инициатив партнеров (например, японской стратегии *“Free and Open Indo-Pacific”*).

Выводы

Рассматривая роль Китая в рамках трансрегиональных экономических процессов в Евразии, необходимо отметить следующее. Во-первых, КНР имеет развитые торговые и инвестиционные связи со всеми регионами Евразии. Такой уровень взаимосвязи является фундаментом для углубления межрегионального и трансрегионального экономического сотрудничества. Во-вторых, КНР активно развивает различные институты и механизмы для межрегионального и трансрегионального взаимодействия, которые можно структурировать следующим образом: двустороннее сотрудничество между Китаем и региональными интеграционными организациями (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС и ССГАПЗ); региональные и межрегиональные финансовые институты для осуществления инвестиционного и финансового сотрудничества, в частности АБИИ, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС и др.; институтом, связывающим выше указанные форматы, и предлагающим возможности для межрегионального сотрудничества между региональными интеграционными объединениями и организациями разных регионов мира, является инициатива «Один пояс – один путь».

В контексте перспектив дальнейшего развития трансрегиональных экономических процессов в Евразии можно предположить следующее. Во-первых, роль Китая и создаваемых им институтов и форматов сотрудничества, в частности инициативы «Один пояс – один путь», будет оставаться центральной. Инициативу «Один пояс – один путь» можно рассматривать как рамочный формат для развития трансрегиональных экономических

связей. Однако и другие крупные экономики (США, Япония, ЕС) будут пытаться создавать альтернативные экономические проекты для межрегионального и трансрегионального сотрудничества. Во-вторых, не менее важным направлением развития будут межрегиональные связи между ЕАЭС, ШОС, ССАГПЗ и АСЕАН как на двустороннем уровне, так и в рамках «Одного пояса – одного пути».

Литература

- Авдокушин 2022 – *Авдокушин Е.Ф.* Развитие «социализма с китайской спецификой в новую эпоху»: К итогам XX съезда коммунистической партии Китая // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 35–47.
- Березина 2021 – *Березина Е.К.* Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами// Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 15 (4). С. 61–66. URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-61-66>.
- Воскресенский 2018 – *Воскресенский А.Д.* Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 128–145.
- Кузнецов 2017 – *Кузнецов Д.А.* Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения. По итогам круглого стола «Трансрегионализм Евразии», X Конвент РАМИ, МГИМО МИД России, 8 декабря 2016 г. // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 163–171.
- Ли, Воскресенский 2016 – *Ли Син, Воскресенский А.Д.* Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы. Пекин, 2016. 495 с.
- Лю, Авдокушин 2019 – *Лю И., Авдокушин Е.Ф.* Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (дата обращения 12 мая 2023).
- Потапов 2022 – *Потапов Д.А.* Роль инициативы КНР «Один пояс – один путь» в контексте трансформации мировой экономики // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 116–128.
- Севастьянов и др. 2014 – *Севастьянов С.В., Азизян Р., Бобыло А.М. и др.* Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: Дальнаука, 2014. 360 с.
- Халова, Иллерицкий 2021 – *Халова Г.О., Иллерицкий Н.И.* Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике// Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 126–134. URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-2-126-134>.

Harutyunyan 2021 – Harutyunyan A. Chinese Belt and Road Initiative in the countries of the Gulf Cooperation Council// Bulletin of the Institute of Oriental Studies. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 112–143. URL: http://www.orientcpnme.am/media/attachments/29/29__2021-12-29-09-36-36.pdf (дата обращения 13 мая 2024).

References

- Avdokushin, E.F. (2022), “The Development of ‘Socialism with Chinese Specifics in a New Era’: to the Results of the XX Congress of the Communist Party of China”, *International Trade and Trade Policy*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 35–47.
- Berezina, E.K. (2021), “Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries”, *Eurasian Integration: economics, law, politics*, no. 15 (4), pp. 61–66. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-61-66>
- Harutyunyan, A. (2021), “Chinese Belt and Road Initiative in the countries of the Gulf Cooperation Council”, *Bulletin of the Institute of Oriental Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 112–143, available at: http://www.orientcpnme.am/media/attachments/29/29__2021-12-29-09-36-36.pdf (Accessed 13 May 2024).
- Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2021), “Eurasia in post-crisis economy and energy”, *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 2, pp. 126–134.
- Kuznetsov D.A. (2017), “Expert discussions on prospects and a role of transregional projects in Eurasia: From theory to practical implementation. Roundtable “Trans-regionalism in Eurasia”, X RISA Convention, MGIMO University, December 8, 2016”, *Comparative Politics, Russia*, vol. 8, no. 2, pp. 163–171.
- Li Xing and Voskressenskii, A.D. (2016), *Mekhanizmy transregional'nogo razvitiya Tsentral'noi Evrazii: issledovaniya i prognozy* [Mechanisms of Transregional Development of Central Eurasia. Research and Forecast], Beijing, China.
- Liu Yiju and Avdokushin, E.F. (2019), “‘One Belt One Road’ Project 2.0 – a strategy to stimulate China’s global expansion, *World of the new economy*, no. 13 (1), pp. 67–76, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (Accessed 12 May 2023).
- Potapov, D.A. (2022), The role of the ‘Belt and Road Initiative’ in the transformation of the world economy, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, P. 116–128.
- Sevastyanov, S.V., Azizyan, R., Bobylo, A.M. et al. (2014), *Konkuriruyushchie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma*. [Competing models and contemporary trends of East Asian and the Asia-Pacific regionalism], Dal'nauka, Vladivostok, Russia.
- Voskressenski, A.D. (2018), “New Pacific Strategies. Opportunity or Reality? Influence of the ‘Chinese Factor’ on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region”, *Comparative Politics Russia*, no. 3, pp. 128–145.

Информация об авторах

Татьяна И. Кузьмина, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; kuzmina.ti@rea.ru

Мария А. Чавыкина, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; mariya-chavykina@mail.ru

Даниил А. Потапов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;
аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; potapov.dpeng@gmail.com

Information about authors

Tatyana I. Kuzmina, Dr. of Sci. (Economics), professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanniy Alleyway, Moscow, Russia, 117997; kuzmina.ti@rea.ru

Mariya A. Chavykina, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia 125047; mariya-chavykina@mail.ru

Daniil A. Potapov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia 125047;
postgraduate student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanniy Alleyway, Moscow, Russia, 117997; potapov.dpeng@gmail.com